

Совсем одна? Или... Не совсем?! Никого нет. Только деревья. Какими красивыми казались эти деревья всего час назад — золотистые и прекрасные — как в детской сказке! Но детей на этой горе Неринги нет, никого нет. Стою совсем одна. В диком лесу — на очень высоком холме, откуда должно быть видно Балтийское море или залив. Уже не важно: залив или море! Хоть видеть бы что-нибудь, кроме этих деревьев, которые передо мной до бесконечности — тёмное море, без воды и людей. Литовцы говорили:

на полуострове Неринге невозможно заблудиться, ведь всё так просто — по одну его сторону — залив, по другую — свободное, открытое море. Но вижу только деревья, что живут здесь ещё свободно, без людей. Никто их не убивает, как убили уже столько много деревьев в моей родной Эстонии... Иногда даже ночью, во тьме — рядом с отцовским домом — настоящий заповедник эстонской природы, так же, как тут — литовский дикий, волшебный лес, где может случиться всё, даже самое большое чудо. Эти леса охраняются законами государств...

Рээт Куду — прозаик, театровед, сказочница, автор 13 романов, член Союза писателей Эстонии и ПЕН-клуба Австрии, лауреат всероссийских и международных премий, три книги писательницы переведены на русский. Живёт в Таллинне.

А кто охраняет меня? Или беженцев на литовско-белорусской границе? От убийства? Или — просто от смерти?

Совсем заплутала в этом лесу, где невозможно заблудиться, как говорят умные люди. Совсем заплутала по жизни, где испуганно повторяю все эти слова, столь важные и губительные для меня, потому, что после сказанного я для многих балтийских государственных деятелей стала «врагом народа» — хотя некогда слова мои были в Прибалтике всем понятны: мои слова о человеке, который должен быть важнее, чем его язык. О человеке, который может говорить на любом языке, если он добрый и сочувствующий. Тут и талантов не надо, только доброта!

У меня же этих талантов, увы и ах, даже слишком много, но не тех, которые мне сейчас так нужны в Литве! Совсем не знаю литовского и по-английски говорю плохо. Не спасёт меня мой родной эстонский... Не спасёт финский — и даже немецкий, хоть живу в Ниде рядом с домом великого Томаса Манна. А русский язык в Прибалтике уже не уважают, будто бы язык важнее человека... Бывший советский парторг — вдруг свой?! Не советский и злой — а свой?! Честный и хороший человек, у которого родной язык — русский, стал таким плохим, что говорить с ним по-русски стыдно? Хотя этот русский человек никогда не был парторгом или советским коллаборантом! Этот простой русский рабочий никогда не был московским любимчиком, как многие советские

прибалты, что стали ныне уважаемыми националистами, хотя обучались в Москве в партийных школах... Именно они сейчас уничтожают в прибалтах эту доброту! Не станут помогать беженцам, зато научат молодёжь стыдиться языка Достоевского и Солженицына — будто лишь «фальшивый» родной язык несёт ответственность за человеческие преступления, подлости и предательства... Советские прибалты делают вид, будто родились на Луне или на Венере, где говорят, конечно, исключительно по-литовски, по-латышски или по-эстонски...

Мои литовские друзья ещё говорят со мной по-русски: другого общего языка у нас нет, английского старое советское поколение не знает. А ведь хочется помнить прекрасные времена, когда все прибалты стояли вместе на Балтийском Пути и мечтали о свободе! Тогда прибалты ещё не молчали, подобно немым зверям, а общались... по-русски! Почему ныне литовцы беседуют за праздничным столом только по-литовски, хотя всего тридцать лет назад считали вежливым говорить на языке, который известен всем гостям? Новая беда: гостя из Эстонии вдруг оказывается в новой роли — в роли любимой собаки, которую кормят, но не жалуют общей беседой на языке, который всем понятен. Эта новая гордость Прибалтики: оставить гостью в роли немой собаки или кошки.

В магазинах старые советские продавщицы поначалу отказываются говорить по-русски и смотрят на

меня как на самого большого врага их новой жизни, однако, когда выясняется, что... эстонка — они начинают говорить по-русски куда лучше меня! Именно пандемия коронавируса показала, сколь катастрофически подействовало на балтийские народы уничтожение общего — русского — языка. Наши русские не выучили балтийские языки и не получают достаточно информации, но ещё хуже: они перестали уважать народных идолов Перестройки, которые дружили с националистическими коллаборантами и перестали говорить по-русски... даже с русскими диссидентами!

Выучил бы еврей немецкий, если того требовал бывший нацист? Но в Прибалтике от русских знания языка требуют именно бывшие парторги! В Литве всё было лучше и куда более разумно, пока президентом не стала бывшая номенклатура — коммунистка, закончившая в Москве Высшие партийные курсы. Впрочем, своё дело она сделала, хоть ныне уже и не президент... Молодые литовцы не говорят по-русски, только по-английски...

Совсем одна стою на этой горе. Стою, как некогда стояли лесные братья в балтийских лесах... Они там тоже искали море — ведь по его волнам должен был прибыть «Белый Корабль», чтобы спасти их, американский «Белый Корабль»! Сейчас такого корабля ожидают белорусы у белорусско-литовской границы. Вновь зря! Кто поддерживает и защищает эти тысячи людей, которые сейчас мёрзнут и голодают на ли-

товской и польской границах, пока западные политики и журналисты выступают с длинными речами... Ждали — да так и не дождались прибалтийские лесные братья «Белого корабля» из Америки после Второй мировой... Но те, кто выжил в диких балтийских лесах, рассказывают детям и внукам об истине в собственных книгах... Если я останусь живой на этой дикой горе, тоже много чего напишу и расскажу... Если останусь?

Стою одна где-то на полуострове Неринги, который великолепен как памятник красоте природы. Но вижу лишь тёмно-зелёную лесную массу — и ни одного спасателя, ни одного «Белого корабля»! Мою родственницу убили после войны, в жестоких 40-х годах, — она кормила лесных братьев. Она тогда была совсем молода и жила в таком же бесконечном лесу, который ныне — передо мной... Убьют ли меня? Медведи? Волки? Или — люди, что иногда хуже волков?! Увы, нет ныне медведя, что мог бы прийти со стороны Калининграда-Кёнигсберга... Если пройду несколько километров дальше, буду уже в России?

Где же вы, мои дорогие литовцы? Почему стою здесь совсем одна? И вдруг подойдёт ко мне лесная колдунья. В руке её — кошёлка с грибами... и объяснит мне по-русски с литовским акцентом: дорога в Ниду — это легко, и страхи мои — напрасны. И, действительно — напрасны. В моей резиденции в Ниде, где живу и пишу уже пару месяцев, благодаря интернациональной стипендии Северных стран, начальник «House for writers»

специально для меня пригласит на мой творческий вечер переводчицу (из библиотеки Клайпеды): Юргита великолепно говорит по-русски. Спасибо, Юргита, спасибо, спасибо всем добрым литовским людям! И особенно — всем лесным волшебницам Неринги!

Да, искушённые (советские?!), библиотекари Ниды на мой вечер не пришли; сотрудники музея Томаса Манна — тоже... ведь семья писателя должна была эмигрировать, а их вил-

лу в Ниде заняла семья нацистов — Третьего Райха. (Геринга). Не буду горевать, что библиотекари и другие начальники Неринги столь равнодушны к моему творчеству — молодое литовское поколение на моём творческом вечере меня хорошо понимало: хотят теперь тоже учиться... говорить по-русски! И они — наше будущее, в котором писательские дома не будут занимать новые нацисты-убийцы...